

достаточно активного способствования в раскрытии или пресечении анализируемых преступлений.

Завершая рассмотрение условий и особенностей применения специального вида освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, считаем, что для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков, необходимо предусмотреть примечание к ст. 228.1 УК РФ с содержанием, аналогичным п. 1 примечания к ст. 228 УК РФ.

¹ См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 27.

² По данным официальной статистики, в 2010 г. выявлены 222,6 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 6,7% меньше, чем за аналогичный период 2009 г. Тенденция к сокращению наблюдалась и в январе–октябре 2011 г.: выявлены 184,1 тыс. преступлений, что на 3,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года (см.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2010 г. М., 2011. С. 4, 33; Состояние преступности – январь–октябрь 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_99000/ (дата обращения: 16.01.12).

³ Обозначенный подход к решению анализируемой проблемы освобождения от ответственности получил распространение и на практике, где органы следствия прекращают уголовные дела в отношении сбытчиков, принимая во внимание лишь активное способствование лица в изоличении оптовых сбытчиков.

А.Н. Бабай,

кандидат юридических наук,
профессор

Дальневосточный институт
повышения квалификации
ФСКН России (г. Хабаровск)

***НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ:
ДИАЛЕКТИКА СООТНОШЕНИЯ***

Проблемы наркомании и наркопреступности сегодня являются едва ли не самыми острыми и актуальными, особенно когда речь заходит об обеспечении государственной и нацио-

нальной безопасности. Если на поприще борьбы с терроризмом, традиционно рассматриваемым одной из главных угроз безопасности жизни людей, человечество добилось определенных успехов и постоянно наращивает усилия в данной сфере, то этого нельзя сказать о противодействии незаконному обороту наркотиков.

В России сегодня около 5 миллионов наркопотребителей. 80% из них – молодежь в возрасте от 20 до 28 лет.¹

Основную угрозу для России представляет афганский наркотрафик. Только на постсоветском пространстве жертвами афганского героина за последние десять лет стали более одного миллиона человек. Для сравнения: от терроризма за тот же период погибли не более десяти тысяч.²

Конечно, терроризм – явление внешне более заметное, чем наркопреступность. Если с наркоманией и наркоманами многие свыклись и воспринимают их как нечто само собой разумеющееся, как проявления неизбежных для отдельных членов общества духовных пороков, то ни о какой социальной терпимости по отношению к террористическим актам говорить не приходится. Последствиями терроризма являются сиюминутные человеческие жертвы и катастрофические разрушения, в его эпицентре может оказаться каждый и в любое время. Наркомания же видится многим как болезнь, которой, в отличие от инфекционных, можно заболеть лишь по собственному недоразумению, а наркопреступность обусловлена, на их взгляд, только потребностями наркозависимых. К тому же наркоманию можно лечить и тем самым попытаться избежать ее тяжелых последствий.

И такая точка зрения распространена не только на уровне обыденного правосознания, но и разделяется рядом носителей доктринального и даже идеологического правосознания.

Так, в июне 2011 г. Глобальная комиссия ООН по оценке борьбы с распространением наркотиков, в которую входят весьма авторитетные люди: Кофи Аннан, бывший Генеральный секретарь ООН, бывшие президенты Мексики, Колумбии, Бразилии, экс-премьер Греции и др., пришла к выводу, «что легализация наркотиков во всем мире и прекращение уголовного преследования наркоманов будут более эффективны, чем война против распространения наркотических веществ». В экспертном докладе отмечается, что борьба с наркотиками привела лишь к

усилению наркоторговли и организованной преступности. При этом она обходится налогоплательщикам в миллионы долларов и уносит жизни тысяч людей. Авторы доклада выступили с критикой в адрес правительств тех государств, которые считают силовые методы борьбы с распространением наркотиков эффективными.³

Кстати, выводы указанной комиссии ООН не отличаются новизной и оригинальностью. Еще 25 октября 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР принял заключение № 8 (2–10) «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией», в соответствии с которым «потребление наркотиков приравнивалось к неотъемлемому праву человека, который ни перед кем не обязан бережно относиться к собственному здоровью». Согласно данному решению юридическая ответственность за потребление наркотиков без назначения врача (как уголовная, так и административная) была объявлена несовместимой с новой демократической Россией.⁴ Данная норма просуществовала чуть больше года и была отменена.

Порочность данного подхода, основанного на мнимой гуманизации отношения к наркоманам, игнорирующего колоссальные негативные социальные последствия такой либерализации, очевидна. Современная российская политическая и юридическая доктрины не поддерживают подобные взгляды.

Однако эти идеи особенно популярны в США и других странах НАТО. Известно, что после введения войск НАТО на территорию Афганистана эта страна вышла на первое место в мире по производству героина (90% которого изготавливается на афганской территории), а с 2008 г. – и на первое место в мире по производству гашиша. В значительной мере это произошло из-за попустительства коалиционных сил, не желающих противодействовать незаконному производству афганских наркотиков и их распространению в Европу и Азию и прикрывающихся якобы нежеланием лишать людей, живущих во второй по бедности стране мира, единственного источника дохода.

Что же касается терроризма, то в современном цивилизованном мире сформировалось стойкое, однозначно отрицательное и нетерпимое отношение к этому явлению. Исключением являются разве что отдельные террористические организации,

исповедующие экстремистские идеи и пытающиеся их осуществить на практике, например «Аль-Каида».

Другое дело – как много сторонников у этих идей, насколько созвучны они нуждам и чаяниям населения тех или иных стран?

Очевидно, что современный терроризм нельзя рассматривать лишь как следствие психической неуравновешенности отдельных лиц. Истинные причины его куда глубже, и субъектный состав значительно шире. К сожалению, серьезных научных исследований в этой области отечественными учеными до сих пор не проводилось.

На территории России наиболее подверженным террористическим нападениям оказался Северо-Кавказский федеральный округ. Среди лиц, совершающих здесь террористические акты, не только духовно больные люди, но и так называемые нигилисты (профессиональные террористы), не сумевшие адаптироваться к социальной действительности и занять в ней достойное уважения место, социально обездоленные люди, борющиеся за справедливость.

В связи с этим высвечиваются ряд главных причин терроризма на Северном Кавказе – экономическая разруха, бедность и безработица большей части населения, ограниченность для основной массы населения доступа к власти, распределение бюджетных денежных средств, в том числе дотационных, между представителями правящих кланов.

В последнее время все большее влияние на сознание определенных социальных групп оказывает движение антиглобалистов, особенно если в их учение привносится религиозный компонент. Так, набирает силу и приобретает новых сторонников идея создания единого исламского государства, некоего Всемирного Халифата или, на первом этапе, Кавказско-Поволжского Халифата, включающего ряд нынешних субъектов Российской Федерации. Это – один из главных постулатов радикального исламизма. Его распространению на Северном Кавказе в значительной степени способствовала и национальная политика российского государства, которая привела к развязыванию боевых действий на территории Чеченской Республики в 1994–1995 гг. Не случайно идеологи радикального исламизма называют указанную политику главной причиной исламского

джихада на Северном Кавказе. Не здесь ли коренятся глубинные причины терроризма в данном регионе?

Антитеррористическая стратегия – а без нее невозможна успешная борьба с терроризмом – предполагает в первую очередь определение субъектов государственного воздействия, а также форм и методов его осуществления. Если наша государственная власть будет понимать под терроризмом лишь соответствующие действия отдельных криминальных группировок и не видеть за ними радикальный исламизм как политико-идеологическое учение, а его представителей рассматривать как обычных бандитов, «отморозков», игнорировать истинные мотивы их поведения, источники финансирования, то недалеко и до краха государственности. Достаточно вспомнить из истории не гнушавшихся совершением террористических актов российских социал-демократов, немецких нацистов, итальянских «чернорубашечников», раскачавших в конечном итоге устои соответствующих государств.

В борьбе с терроризмом, имеющим прочные идеологические основы, нельзя делать ставку только на силовые, репрессивные методы. Они могут на время сбить волну терроризма, но не устранят его причины. Поэтому лишь наращиванием полицейского присутствия в районах, объятых пламенем террористической войны, эту проблему решить нельзя. Нужно использовать опыт КНР, Северной Ирландии, Турции, Испании, Израиля, где жесткие меры сочетаются с поиском механизмов мирного устранения тех или иных противоречий, конфликтных ситуаций, психологического воздействия на потенциально зависимую от террористической идеологии часть населения.

Среди причин, порождающих терроризм, далеко не последняя роль принадлежит наркобизнесу. Причем если раньше терроризм, рассматривавшийся мировым сообществом как глобальная проблема № 1, обуславливал необходимость производства наркотиков с целью их потребления теми, кто готовился к совершению террористических актов, то в настоящее время соотношение терроризма и наркопреступности принципиально изменилось. Они поменялись местами, и уже наркопреступность во многом объясняет существование терроризма и экстремизма.

Доходы наркомафии, оцениваемые в 500 миллионов долларов (что эквивалентно 8% легального мирового торгового оборота, сопоставимо со сверхприбыльным нефтегазовым сек-

тором), уверенно занимают первое место среди нелегальных доходов, опережая почти в 4 раза доходы, получаемые от незаконной торговли оружием, проституции и нелегальной миграции, вместе взятых.⁵

Стремясь обеспечить еще большую прибыль, наркодельцы все чаще прибегают к «помощи» террористических организаций. В Колумбии, Бразилии, многих государствах Центральной Америки наркобароны активно сотрудничают с партизанами-сепаратистами, терроризирующими отдельные провинции, оказывающими вооруженное сопротивление властям при попытках обнаружения и уничтожения кокаиновых и маковых плантаций. Наркомафия использует повстанцев для охраны своих лабораторий и аэродромов, привлекает их для обеспечения и контроля наркотрафиков. Конечно, при этом террористам-сепаратистам выплачиваются крупные денежные суммы, чем активно поддерживается их движение.

И в странах африканского и азиатского континентов, где в последнее время активизировались экстремистские группировки, которые получают финансовую поддержку, оружие для военных действий, взрывчатые вещества для террористических актов за счет незаконного оборота наркотиков.

Аналогичная ситуация и на российском Северном Кавказе.

Таким образом, повысить эффективность борьбы с терроризмом возможно лишь тогда, когда будет ликвидирован или хотя бы минимизирован главный источник его финансовой подпитки – наркопреступность.

Террористов принято делить на два основных вида: бескорыстных фанатиков, готовых пожертвовать собой за идею, и осознанно идущих на совершение одного из тягчайших преступлений ради личной материальной выгоды. Но и те и другие являются жертвами наркопреступности. Первые зачастую не могут обойтись без наркотиков, потребление которых снимает психологические барьеры и облегчает совершение террористических актов, а вторые – за свою «черную работу» получают наркодоллары или их эквиваленты.

Обуздать наркопреступность можно лишь при условии объединения усилий всех государств, международных организаций, гражданского общества на основе единой стратегии антинаркотической политики. Ее выработка является первоочередной задачей всего прогрессивного человечества.

¹ См.: Иванов В.П. Интервью корреспонденту «Российской газеты» 13 октября 2011 года // В будущее с надеждой : выступления директора ФСКН России сентябрь–ноябрь 2011 г. С.24.

² См.: Иванов В.П. Глобальный спрут. ООН должна квалифицировать наркопроизводство в Афганистане как угрозу миру и международной безопасности // Известия. 2010. 2 декабря.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/02/06/2011/598415.shtml>.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 47. ст. 1001.

⁵ См.: Иванов В.П. Глобальный спрут...

П.А. Иващенко

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НАРКОПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ определяется особым характером предмета – наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими или ядовитыми веществами. При неконтролируемом потреблении эти предметы оказывают резко негативное воздействие на человеческий организм, приводят к быстрой деградации личности, физическому и психическому истощению и даже к смерти. Проблема наркотизма очень остро стоит в Вооруженных Силах Российской Федерации. В первую очередь это связано с широким употреблением наркотических средств призывниками. Исследования показывают, что 86% военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, являющихся потребителями наркотиков, составляют лица, которые начали употреблять наркотические средства до призыва на военную службу.¹

Приобщению военнослужащих к употреблению наркотических средств способствуют такие обстоятельства, как резкое изменение бытовых условий, социального статуса, увеличение физических и эмоциональных нагрузок, являющихся потенциально стрессовыми факторами.² Кроме того, в условиях крайне